

Нин Хуайшань и Однорукий ждали у горной дороги на окраине города.

Прежде чем они сели в карету, И Ушэн приподнял занавеску и посмотрел на них издалека.

На улице шёл сильный снег, поэтому лиц было не разглядеть. Но он мог различить их внешность. На первый взгляд, один из этих двух подчинённых выглядел необычайно худым и слабым, как подросток.

Ребёнок?

И Ушэн покачал головой и вздохнул: «В эти годы было много людей, которые ступили на демонический путь с самого раннего возраста. Как прискорбно и жалко».

Однажды он уже сталкивался с таким ребёнком, и тогда у него не хватило духу убить его.

— Почему вы качаете головой, господин? — спросил У Синсюэ. Его голос звучал очень приятно, и он говорил абсолютно как обычный молодой господин.

Но по какой-то причине он также заставлял паниковать. Возможно, из-за того, насколько лёгкими были его последние слова.

И Ушэн тут же опустил занавеску.

Он сжал бумажку. Но как раз в тот момент, когда он собирался ответить, двери открылись, и внутрь со свистом ворвались снег и ветер.

— Градоначальник, нам пришлось так долго ждать! — вошёл Нин Хуайшань. Сразу после того, как он обратился к У Синсюэ, он заметил И Ушэна, и его лицо мгновенно побледнело. — Почему ты?..

И Ушэн на мгновение застыл.

— Такая реакция, — У Синсюэ посмотрел на них, — вы знакомы?

— Хех, — усмехнулся Нин Хуайшань и загадочно произнёс: — Откуда мне, демону из города Чжаоэ, знать его, старейшину известного ордена? Мы просто много лет назад случайно столкнулись друг с другом.

И Ушэн явно не узнал его. На его лице появилось растерянное выражение: «?»

Лицо Нин Хуайшаня ещё больше побледнело.

Он негромко выругался, затем опустил воротник, обнажив нижнюю часть шеи. На самом уязвимом месте шеи виднелся длинный шрам от меча. Поверх шрама был свежий струп, который, казалось, даже не так давно открылся.

Увидев шрам, И Ушэн наконец узнал его. Он удивлённо посмотрел на Нин Хуайшаня, и бумага в его руках помялась ещё больше, показывая, как он был удивлён:

— Ты... тот ребёнок из пустоши Цзямин?

— Да мать твоя ребёнок! — сказал Нин Хуайшань, поправив воротник. — Тогда этот лаоцзы* был всего лишь маленьким мальчиком, но прошло уже более сорока лет.

П.п.: Лаоцзы — я, обозначение в речи самого себя, но в грубой форме, подчеркивающей превосходство говорящего.

Естественно, У Синсюэ совершенно не понимал, о чём они говорят. Но это не помешало ему присоединиться к разговору:

— Пустошь Цзямин?

Нин Хуайшань сначала выругался, но после того, как его спросили об этом, холодно усмехнулся и ответил:

— Да, пустошь Цзямин. Мой лорд, вы знаете, что мы с Чёрным Бодхисаттвой отправились туда по делам, но нас остановил орден Хуа. Так Чёрный Бодхисаттва и погиб.

«...»

Он действительно не знал.

У Синсюэ произнёс «ох», а затем сказал:

— Да, я помню, что случилось с Чёрным Бодхисаттвой. Тогда... эта рана от меча?

Будучи уже демоном, разве не было в порядке вещей сражаться с орденами заклинателей? Почему он так долго обижался из-за того, что ему нанесли рану?

— Спросите его, — Нин Хуайшань указал на И Ушэна.

«...»

И Ушэн подумал про себя: «Во что я ввязался» Т_Т

Мгновение он молчал, но всё же ответил:

— В то время мой меч был покрыт одним... лекарством.

Они пришли туда, чтобы убивать демонов, и поэтому у каждого ученика ордена Хуа мечи были намазаны духовным лекарством. На самом деле, он сам сделал это лекарство. Даже если демон не был убит с одного удара, лекарство было достаточно сильным ядом, чтобы рана от меча неоднократно открывалась и гноилась.

Поскольку жители города Чжаоэ практиковали демонические техники, у них, конечно же, были и средства для заживления ран. Они могли заживлять раны исключительно быстро, но за это приходилось платить высокую цену.

— Из-за этой раны мне почти каждый день пришлось ходить в лечебный бассейн, практикуя там технику ограничения яда, и отмокать более тридцати лет, — Нин Хуайшань стиснул зубы. — С тех пор моё тело не выросло! А ты меня тогда ещё и отругал, — Нин Хуайшань посмотрел на И Ушэна. — Что ты там говорил? О, что с юных лет я потерял себя, ошибочно выбрав неверный путь, что мне нужно открыть глаза и посмотреть на тех людей, которых убили демоны, что если бы я хоть на секунду задумался о своей семье... Ты сказал, что если я буду продолжать в том же духе, то непременно буду жалеть об этом всю жизнь. Почтенный господин, — ухмыльнулся Нин Хуайшань, его два острых клыка выдавали его демонскую натуру.

Почтенный... господин...

И Ушэн промолчал.

Заклинатели не старели легко. В глазах обычных людей он выглядел примерно на двадцать с небольшим лет.

— Весь город Чжаоэ знает, что я сирота, вылезший из-под земли. У меня даже нет семьи, о которой можно было бы подумать, так что я могу сделать? Но, старик, думал ли ты тогда, что настанет день, когда ты снова столкнёшься со мной?

И Ушэн: «...»

«Снова столкнуться с тобой на мечах? Возможно. Но столкнуться с тобой в одной карете? Конечно же, нет».

Взгляд Нин Хуайшаня прошёлся по чёрной полоске ткани, натянутой на его рот и нос. Он злобно произнёс:

— Ай-ай-ай, кажется, в этой повозке с почтенным господином обращаются плохо, я...

Бледное лицо И Ушэна почти поменяло свой цвет на красный от этих насмешек, как вдруг рядом с дверью поднялись серебряные ножны меча и ударили по коленям Нин Хуайшаня.

От удара Нин Хуайшань с грохотом упал на колени перед И Ушэном.

«...»

Он сжал онемевшие ноги, ругнувшись, затем повернул голову, чтобы посмотреть на того, кто его ударил. Небесный Бессмертный смотрел на него сверху вниз, затем он безразлично пошевелил пальцами, и меч вернулся в исходное положение.

Нин Хуайшань увидел чёрную водяную лилию на руке Сяо Фусюаня и вспомнил, что это марионетка его лорда. Всё, что он делал, подчинялось воле повелителя.

Нин Хуайшань повернулся к У Синсюэ и сказал:

— Повелитель, вы позволили ему ударить меня?

У Синсюэ: «...»

Нет.

Он поднял глаза и посмотрел на Сяо Фусюаня.

Сяо Фусюань тоже посмотрел на него сквозь тусклое освещение. Через мгновение он слегка сдвинул брови, а затем состроил лицо «меня это не касается».

У Синсюэ: «...»

«Будучи достойным бессмертным, почему ты сеешь конфликт между мной и моим подчинённым?»

Он потёр грелку в руках и некоторое время наблюдал за происходящим. Затем постучал пальцами по столу и сказал Нин Хуайшаню:

— Тебе не нужно продолжать стоять на коленях. Ты мешаешь кое-кому войти в карету. Зайди и сядь.

— Кому? — Нин Хуайшань бросил гневный взгляд себе за спину.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Однорукий схватился рукой за дверь и одной ногой зашёл в повозку, а другая осталась снаружи. Он без выражения сказал Нин Хуайшаню одно предложение:

— Ты испытываешь моё терпение, забирайся внутрь.

Нин Хуайшань: «...»

Почувствовав себя обиженным, он долго смотрел на пустое место рядом с И Ушэном. Затем повернул голову и посмотрел на Сяо Фусюаня. Он стиснул зубы и решил сесть рядом с У Синсюэ.

И тут он увидел, как Сяо Фусюань сделал движение мечом.

Нин Хуайшань рефлекторно вскочил со скамьи, как только его зад коснулся его. Он быстро подошёл к И Ушэну и сел рядом со своим «врагом».

— Хорошо-хорошо, я не буду сидеть здесь, повелитель, но, пожалуйста, не убивайте меня, — пробурчал он.

У Синсюэ: «...»

Над головой У Синсюэ висел огромный вопросительный знак.

«Кто не позволил тебе сесть?»

Мгновение спустя Нин Хуайшань понял, что Сяо Фусюань не собирался доставать меч, и осознал, что раздул из мухи слона. Он сразу же почувствовал себя неловко.

<http://bllate.org/book/12946/1136600>